

вершают поступки действующие лица его произведения. Они менее всего интересуют писателя. Ему важно в наиболее четкой и доходчивой форме высказать общую мысль о правильности оценки человека по его личным достоинствам: уму, мудрости, «наукам». Поэтому-то неслучайно, что и цесаревна и королева объясняются в любви «шляхецкому сыну» после беседы «о видимых вещех и невидимых». Ведь именно его «совершенная мудрость и ум» и зажгли в них горячую и бескорыстную любовь к нему.

Неслучайно и то, что в повести нет ни одного имени. Даже герой назван отвлеченно: «некотораго небогатаго шляхтича сын», в дальнейшем он фигурирует как «оный оберкаморгер», «оной ковалер», «он». Другие действующие лица также нарочито условны: цесарь, цесаревна, король, королева, сенаторы, министры. Условна и географическая локализация повести. Автор, например, полагает, что Цесария и Англия разделены «границей».⁶ С таким же успехом автор повести мог выбрать местом действия «Гишпанию» или «Флоренцию», от перемены ничего бы не изменилось, ибо с действительной «Цесарией» — Австрией и Англией — произведение это ни в какой мере не связано. Понадобились же они автору «Гистории о некоем шляхецком сыне», чтобы устами своих героев высказать смелые и передовые мысли о взаимоотношении людей на основе признания личных заслуг, а не происхождения. Добившись наибольшей степени обобщения, автор застраховал таким образом свое произведение от обвинения в намеке на действительность.

Эти литературные приемы автора «Гистории о некоем шляхецком сыне» не были присущи ему одному, а характеризовали «целый период, когда героями многих литературных произведений, по преимуществу вышедших из демократической среды, оказались безымянные личности — личности, которых называют в произведениях просто «молодец» или «бедный», «богатый», «голый и небогатый человек», «бразжник», «крестьянский сын», «девица», «купец некий», «ревнивые мужи», «спеваки» и т. д.⁷ Безымянные, как известно, герои повести «О Горе-Злочастье», не указаны действующие лица «Романа в стихах», «Повести о молодде и девице», «Азбуки о голом и небогатом человеке» и других произведений конца XVII—начала XVIII в.

Перенос действия в другую страну встречается также в «Гистории о Александре, российском дворянине...», где все события происходят в Париже, Лилле, Испании, Китае, в «Гистории о российском купце Иоанне» и в «Гистории о российском матрозе Василии Кириацком». С последней «Гистория о некоем шляхецком сыне» имеет наибольшую близость.

Василий Кириацкий, так же как и герой нашей повести, — сын «небольшого дворянина» пришедшего в «великую скудость». О Василии, так же как и о «шляхецком сыне», «слава прошла за его науку и услугу». Цесарь, обращаясь к Василию, отмечает его «достоинства разума», а голландский купец видит его «в науках зело остра».

Имеется сходство и в мелочах: так, героиня повести о Василии Кириацком, королева Ираклия, — единственная дочь.⁸ После перенесенных несча-

⁶ «Егда же приехали до границы, уведав, что отдаעתца цесаревна во брак некоторому князю» (л. 279).

⁷ Д. С. Лихачев. От исторического имени литературного героя к вымышленному. ИЮЛЯ, т. XV, вып. 3. М., 1956, стр. 205.

⁸ «Аз есмь роду королевскаго... токмо едина была у отца своего дочь» (В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 115); «Некоторый цесарь имел у себя дщерь прекрасну, любил аки живот свой, что кроме ее других детей не имел» (л. 261).